
А. К. Мацанов, Чёрные журавли, Ростов н/Д, Ковчег, 2010, 354 с.

Ս. Շ. Մաշտոմի. Սև կրնուկներ, Դնիհ Ռոստոմի. Կոչվեգ, 2010, 354 էջ

Приступая к написанию своего романа-притчи «Черные журавли» Аркадий Мацанов поначалу намеривался рассказать о судьбе великого армянского композитора, священника Комитаса (Согомон Согомонян). О человеке, чьим даром собирателя и интерпретатора не только армянского, но и курдского, турецкого, персидского песенного фольклора и старинных духовный песнопений восхищались европейские коллеги. Гуманист, творец, мыслитель, выбрав стезю духовного пастыря народа, которому принадлежал от рождения, он вместе со своим народом прошел и через все испытания, выпавшие на его долю – унижение, гонения, наконец, резню, унесшую жизни по очень скромным подсчетам около двух миллионов жизней. Ту резню, что в общечеловеческой исторической памяти имеет страшное, но и точное название Геноцид армянского народа 1915 г. Разум Комитаса, устремленный в сторону добра и созидания, наполненный состраданием к ближнему («богатые и бедные, белые и смуглые, все одинаковы в том, что все очень несчастные») не принял происшедшего. Отказался принимать. Мировое сообщество, объединившись, добилось того, чтобы вывезти музыканта из залитой армянской кровью, обезумевшей Османской империи во Францию. Но, увы, было слишком поздно. Остаток своих дней Комитас провел под Парижем в лечебнице для душевнобольных.

Врач-онколог по своей начальной профессии, а потом уже писатель, Аркадий Мацанов, распознав очаг болезни, которым была охвачена Турция в начале XX века, назвав диагноз – национализм в самой страшной и омерзительной форме, – не мог не заглянуть дальше, попытаться понять, где ее истоки, куда она, в конечном итоге, может завести человечество. И завела... Метастазы распространились по всему телу планеты. Известна фраза Гитлера, который, вдохновляя в 1930-е годы своих последователей на преследование и убийство евреев, заметил: «Кто сегодня помнит об истреблении армян...». Не однажды на протяжении последующих десятилетий люди вспомнят эту фразу, запоздало каясь в том, что не дали в свое время должной и твердой оценки геноциду армян. Кто знает, может тогда не было бы и Холокоста, других конфликтов, в основе которых лежала межнациональная нетерпимость.

Примечательно, что Аркадий Мацанов по национальности не армянин. Хотя и похож на армянина внешне. Хотя и воспитывался в Армении в годы Великой Отечественной войны, куда его, семилетнего одесского мальчика вместе с мамой и старшим братом, занесла судьба беженца. Он – еврей. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не отрекался от своего еврейства. Но при этом он и человек мира. У него болит сердце не только за народ, к которому принадлежит по праву рождения, не только за армян, среди которых провел детские годы,

которых знает, чувствует и любит как свой народ. Он, называя себя русским евреем, горячо любит Россию, страну в которой живет сам, где живут его дети, внуки и уже правнуки (повесть «Шелковица», «Покаяние»...). Тревожно ему и за сегодняшнюю Украину, его народ (повесть «Время назад»). Ведь это страна, где он рос, учился, получил профессию. Болела у него душа и за чеченцев (рассказы «Две правды», «Волчонок», повесть «Высший суд»), когда там в 1990-е годы шла война. Обо всех этих своих терзаниях, мучительных размышлениях над природой человека, вставшего на тропу животной межвидовой неприязни, озверения общества в целом, он и пишет. Но, вскрывая писательским пером, точно скальпелем хирурга, болевые точки, он не глумится над «больным», не тычет пальцем, осуждая и унижая, а лечит, объясняет, увещевает, наконец, утешает.

Вот и в романе-притче «Черные журавли», казалось бы, что может быть трагичнее, чем судьба Комитаса? Но он находит писательские ходы, благодаря которым, проведя героев через тревоги и ужасы двадцатого столетия, не только дает им возможность выжить, спастись физически, но и выстоять, сохранить в себе Человека. Больше того, роман приводит читателя к некоему радостно-знаменательному событию, который вдохновляет, окрыляет, дает силы жить дальше. Своей писательской волей он, точнее его герои, спасли не только Комитаса, но и... Дневник композитора. Правнучка друга композитора Антуанетт привезла их из Франции в Ереван уже в начале XXI века, преподнесла в дар армянскому народу.

Разумеется, это вымысел. Но как в него хочется верить! Тем более, что «отрывки» из Дневника так правдиво, так достоверно описывают и то что происходило во время резни, и что об всем этом думал, должно быть, сам Комитас.

Одновременно хочется обратить внимание и на тот небольшой литературный подвиг, что совершил Аркадий Мацанов (к сожалению, не замеченный читателями и принятый ими как данность): он придал строй и рифму подстрочникам нескольких стихов Комитаса, вплетя их в русло повествования.

День-деньской
Держи фонарь зажженным,
О жизни пой!..
Как мысли светоч –
Та песнь необходима!
Держи фонарь неугасимым,
Как сердца струны,
Пусть они звучат!
О, мой народ!
Ты как Христос, распят!..

У каждого героя повествования «Черные журавли» был свой крестный путь. У армянки Ануш, дочери турецкого издателя Крикора Адамяна, и ее мужа немецкого инженера Генриха Рунге... У их сына Мишеля и его жены еврейки Софии, с которой он познакомился во французском Сопротивлении... У их дочери Катрин, специального корреспондента французской газеты «Юманите» и ее мужа, сербского публициста Владко Дожица, убитого за свои правдивые материалы, призывающие народы бывшей Югославии опомниться, прекратить предъявлять друг другу бредовые претензии... Потом уже у их дочери Антуанетт, зани-

мающейся исследованием истоков межнациональных конфликтов и ее мужа, французского кардиолога Поля... Проживая вместе с ними их судьбы, читатель, по сути, проживает и весь XX век. Страшный, постыдный, кровавый. За этот век современные турки, в отличие от немцев, попросивших прощения у евреев и прощенных ими, так и не нашли в себе мужества признать совершенный их предками геноцид, осознать и покаяться в содеянном, а потому армянам не у кого пока принять покаяние. Простить.

Когда Антуанетт и Поль уезжали из Еревана, где в Национальной библиотеке оставили принадлежащие армянскому народу по праву Дневник Комитаса, проводить их в аэропорт пришел их друг, армянский философ, которого все называли Отшельником.

«Его пытались оттеснить, но он стоял как скала. Сказал что-то на прощанье и добавил:

– Перечитываю дневники вашей прабабушки. Я вам их переводил с турецкого на французский, а теперь надо перевести и на армянский.

Антуанетта ответила:

– У меня не выходит из головы сцена, как турки рубили саблями женщин и детей и сами при этом были перепачканы. Их одежда была в крови.

– Они до сих пор в ней ходят.

Он горько усмехнулся, успев пожать руку Полю и Антуанетт, отошёл, уступая место другим, пришедшим попрощаться».

Казалось, залитый кровью невинных людей XX век должен был озлобить героев романа. Ведь на долю каждого поколения семьи, бежавшей в 1915 г. от геноцида, пришлось своя война. Эти люди меняли страны, языки, национальности. Но одно оставалось неизменным – ужас межнациональной розни, безумие, которому они отчаянно, честно и смело сопротивлялись. Пережив все, они выстояли. И они продолжились уже в новорожденной дочери Антуанетт и Поля – Софии. На этом – рождении новой жизни – заканчивается роман. Так хотелось бы, чтобы на долю девочки не пришлось её война. Так хочется верить, что когда-нибудь «народы, распри позабыв, в единую семью сольются». К сожалению, сегодняшняя жизнь не дает нам повода быть уверенными в том, что подобное не может повториться, что все осталось позади в том, страшном двадцатом столетии. Черные журавли еще летят...

НОННА МИРЗАБЕКОВА